шая чрезмѣрно, въ воскресенье, общедоступный театръ, въ которомъ учениками и ученицами драматической школы Ухова былъ разыгранъ пресловутый «Жоржъ Данденъ».

Конечно, безъ интермедій, безъ балета, на фонѣ очень блѣдныхъ декорацій,—но такъ слаженно, съ такимъ чувствомъ художественнаго проникновенія, ритма, съ такимъ, наконецъ, заразительнымъ и искреннимъ веселіемъ, свойственнымъ лишь юности, что это искупало все.

Я думаю, что надъ злосчастнымъ Данденомъ и Любеномъ версальская публика смѣялась и менѣе дружно и менѣе искренно, чѣмъ вчера обитатели далекой Таганки.

Было такъ странно видѣть этотъ зрительный залъ—такой будничный, сѣрый,—и вспоминать Версаль съ его толпой напудренныхъ и чванныхъ баронозъ, кокетливыхъ дамъ, въ фижмахъ и съ мушками.

Но еще болѣе странно было констатировать единство отношенія къ судьбѣ Дандена тѣхъ и этихъ.

А оно было.

Можетъ быть, потому, что юные исполнители слишкомъ уклонились въ сторону bouffonerie. Это не плохо, если даже и невѣрно.

Важно лишь то, что, смотря ихъ игру, х о т ѣ л о с ь смѣяться надъ Данденомъ. А это уже много, это уже говоритъ о вдохновеніи сценическомъ.

И оно было у всѣхъ участниковъ.

Въ большей или меньшей степени.

Хорошій спектакль.

Изгой.

АЛЕКСАНДРЪ МОГИЛЕВСКІЙ.
(Къ сегодняшнему концерту).

Безработныя артистки.

Не театръ, а богадѣльня...

Только вмѣсто беззубыхъ богадѣлокъ, кушающихъ манную кашку и разгадывающихъ по соннику царя Соломона свои сны, въ Свободномъ театрѣ сидятъ:

Талантливыя артистки, въ пышномъ расцвѣтѣ своихъ талантовъ, рвущіеся, словно въ бой...

— Работать!.. Работать!..

Зачѣмъ г-жѣ Андреевой было возвращаться въ холодную Москву изъ-подъ лазурнаго неба Италіи, зачѣмъ было выкладывать интервьюерамъ на вокзалѣ сейчасъ же по возвращеніи въ Москву: